

заворот кишечника — он был настолько истощён, что на следую — щий день умер.

Никогда не забуду и своё платье, которое мне мама соткала на своём станке из конопли. Оно стояло на мне, как кол. Было особенно обидно, когда одна девочка как-то подошла ко мне и, увидев мой наряд, назвала меня «мокрой курицей». Я долго плакала, а мама потом на — шла какой-то клочок материала и из него сшила мне ситцевое пла — тье.

А когда пошла в школу, то ходить было не в чем, валенки были худые. Зашла я как-то к подружке, а отец ей подшивает валенки, намолив при этом нитки. Дома моего отца не было (он находился на заработках на золотых приисках), намолила тоже нитки, взяла иглу, втянула эту нитку и с помощью шила стала прокалывать валенки и протягивать эту дратву. Вроде зашила. Прихожу потом из школы, а у меня дыры в валенках образовались ещё больше, чем раньше были до моего «ремонта».

Внезапно началась война. Хлеб, что мы получали за трудодни, взяли на фронт. Мы опять начали голодать. Школьников отправляли в поле пахать. А пахать было не на чем, т.к. лошадей тоже забрали на фронт. Пацаны брали в руки плуг, а мы, девчонки, вожжи. От темна до темна пахали. Мне как-то пришлось запрягать лошадь, а я не могла дотянуться до её головы. Лошадь наступила мне на ногу и раздавила её. Вся мякоть до кости выпала, одна голая кость да жилы остались.

Все думали, что я останусь без ноги, перевязывали её каждый день. Постепенно кость зарастала и ногу удалось спасти. Пахали мы землю и на быках, которые были неповоротливыми, медлитель — ными — не разбегутся. Поэтому пахали медленно и трудно, но мы старались делать своё дело, не бросали его и засекали землю. Правда, женщины нам не очень доверяли, но мы продолжали пахать и боро — новать. Наступила зима, а она в Сибири «злая» и морозная. Обуть, одеть мне было нечего. Прибавив себе год и получив паспорт, я стала проситься направить меня куда-нибудь учиться в ФЗУ. Меня на — правили в Рубцовск на тракторный завод, где я стала учиться на фрезеровщицу. Так вот и прошло моё трудное детство — в голоде, холоде, нужде. Я его и не увидела...

На тракторном заводе, где я училась и работала, изготавливали танки, боеприпасы для фронта. Мне подставляли снарядный ящик и только так я могла дотянуться до своего станка. Работали мы без

всяких выходных и отпусков по 14 — 16 часов в сутки. Нередко спали в цехе возле станков, т.к. не было времени и сил добираться до обще — жития.

В начале войны в нашу семью, как и во многие другие семьи того времени, пришло страшное известие. Мой брат Иван погиб 4 мая 1942 года на Карельском фронте, когда вёл колонну грузовиков с боеприпасами, подорвавшись в головной машине на mine. Так, в да — лёкой Сибири мы переживали войну, помогая фронту чем могли, не жалея сил и своего здоровья.

В.В. Сапунова¹

Небо было черное

Мне было в то время 12 лет, жили мы тогда в г.Щебекино Курской области. В 1941г. 22 июня началась Отечественная война. Как сейчас помню немцев, когда они пришли в наш город. Ехали они на мото — циклах, машинах, стояла пыль на дорогах, гул моторов, рев транспорта. Немцы вошли в наш дом и бросились прямо к столу, т.е. туда, где дети пили чай, выгнали нас и стали сами

хозяйничать в доме. Нам, детям, было очень страшно, нас было 6 че — ловек детей, две семьи. Я самая старшая. Потом они стали спраши — вать, нет ли у нас партизан. Мама сказала, что нет и не было. Когда они вошли в другую комнату, то там был мой отец, его на войну не взяли по болезни. Немцы стали его допрашивать, думали, что он партизан, но мама сказала, что нет, он не партизан, а больной (бо — лезнь — тиф) и они его отпустили, а так бы расстреляли. После этого отец мой, Сапунов Василий Петрович, ушел добровольно в Красную Армию, воевал 4 года, был связистом и награжден пятью медалями, был ранен, умер в 1977. Война — это было что — то ужасное и страшное, я такого ужаса еще никогда в жизни не испытывала и не видела. Был голод и холод — это еще терпимо. Но когда рвутся бомбы, сна — ряды и мины, строчат пулеметы, автоматы, — это ад. Бомбили заводы,

¹ Сапунова В.В. — член клуба «Фронтовые подруги»